

М.А. Краснов,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального
права НИУ «ВШЭ», доктор юридических наук

Освобождение и свобода

Эта статья содержит размышления о проблемах свободы и достоинства личности. Ключевые тезисы и выводы были сформулированы еще более десяти лет назад. Однако, как оказалось, не только не утратили своей актуальности, но и обрели еще большую остроту.

Ключевые слова: свобода, справедливость, человеческое достоинство, патернализм, безопасность.

«Правосознание, доросшее лишь до внешней легальности, остается незрелым правосознанием. В самом деле, долгая и постоянная дрессура, идущая из поколения в поколение, может приучить душу к сознательному соблюдению законной формы и законного предела в поступках. Явная и тайная кража станет исключением, и цветок плодового дерева, растущего у большой дороги, будет спокойно превращаться в зрелый плод, задевающий прохожего; не станет самоуправства, сознательное нарушение прав будет редкостью; граждане будут еженедельно советоваться обо всем с собственным годовым адвокатом и постоянно, с особым удовлетворением от законности своего поведения, тягаться друг с другом в интеллигентном, равном и справедливом суде; забудется эпоха мелких взяток и крупных хищений, и люди перестанут видеть особое удовольствие в безнаказанном правонарушении; наконец, обязанность, частная и публичная, станет обычной формой жизни... И за всем этим, внешне блестящим, правопорядком может укрыться правосознание озлобленного раба».

(И.А. Ильин¹)

Земная история похожа на муки человека, страдающего бессонницей. И так ляжет, и так повернется, и так подушку взобьет – все не то... Ищут, ищут народы наилучшие способы соединения

---

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С.44.

свободы со справедливостью и равенством, но никак не находят. Точнее, находят, но рано или поздно то свободы становится меньше, то справедливости.

1.

Казалось бы, демократия – устойчивая, едва ли не оптимальная модель. Но и при таком строе люди часто недовольны своим политическим бытием. Например, в ходе всемирного опроса, проведенного Институтом Гэллага осенью 1999 г., выяснилось, что в Западной Европе лишь 37,5 % респондентов считают, что их «страна управляется волею народа», а в Северной Америке – 34,8...

Мне скажут, что для демократии нормально недоверие к политикам; что демократия, наоборот, отрицает необходимость любви «к родным партии и правительству». Верно. Но верно и то, что вирус тоталитаризма дремлет даже в самых благополучных странах. Не буду говорить о механизме «бегства от свободы». Он давно и подробно описан в научной литературе, тем же Эрихом Фроммом. Важна причина. А она в том, что растерянность, затерянность и потерянности человека пробуждают в нем инстинкт поиска той общности, с которой он желает слиться, пусть даже ценой уничтожения собственного «Я». Тоталитарные политические учения умело эксплуатируют отрицательные стороны атомизации общества и предлагают личности «слиться» с государством, которое и накормит, и защитит.

Такая мышеловка часто срабатывает. И особенно быстро там, где неразвиты или функционируют в уродливом режиме **правовые средства защиты личности**. Там, где гражданин, не обладающий высоким социальным статусом (по советской терминологии – «простой человек»), живет в системе постоянных унижений и не видит способов защитить свое достоинство.

Россия привыкла к системе патернализма. К системе, которая лишает людей свободы, прежде всего, свободы выбора, но зато избавляет от необходимости самим брать на себя ответственность, самим защищать свои права. И вот в начале 1990-х гг. в одночасье (по историческим, конечно, меркам) народ ощутил свое «сиротство». Закономерно поэтому, что общественное мнение начало воспринимать недавнее советское прошлое едва ли не как «золотой век».

2.

Но от свободы ли бегут люди? На этот вопрос следует ответить отрицательно. **Люди бегут от состояния НЕДОсвободы.** Такое состояние губительнее для социума, чем даже состояние явной несвободы, относительное преимущество которого в том, что оно обладает определенностью и, значит, оставляет надежду на освобождение.

Ценность свободы для нас предметно ощутима лишь тогда, когда человек ее лишен в самом прямом смысле (тюрьма, рабство – физическое, политическое, экономическое и проч.). А как только путы сняты, мы уже считаем себя свободными. И лишь попривыкнув к вольному воздуху, начинаем осознавать, что *такая* свобода сама по себе не дает ни чувства защищенности, ни справедливости, ни стабильности, ни многого другого, из чего должна была бы складываться ожидаемая жизнь. И начинаем клясть свободу как виновницу своих бед...

Сюжет этот стар как мир, начиная с ропота древних евреев во время их Исхода и кончая нашей действительностью, которой весьма подходит определение, данное Е.Н. Трубецким состоянию

российского общества перед событиями 1905 г. – «*атмосфера ноющей бессмыслицы*»².

В чем же тут дело? В том, что люди путают освобождение со свободой. *Освобождение – это лишь первая, может быть, самая легкая ступень к свободе. Но оно не есть еще сама свобода.* Точнее, это не свобода в ее высшем проявлении.

Философы (И. Кант, И. Фихте, Б. Вышеславцев и др.) пришли к выводу, что существуют «отрицательная» и «положительная», низшая и высшая свобода, свобода произвола и свобода творчества, свобода «от» и свобода «для». Сложность заключается, однако, в том, каким путем одна форма переходит в другую, не является ли такой переход (выбор) потерей самой свободы. Однако не буду утомлять читателя. Обращу внимание на другое: высшая свобода непосредственно связана с категорией **личного достоинства**. Как говорил тот же Е. Трубецкой в разгар первой русской революции (1906 г.), «в обществе утвердился взгляд, что такою ценностью, ради которой стоит жить и умереть, является свобода. Чем объясняется такая высокая ее оценка? Прежде всего, как бы ни была велика ценность свободы, ясно, что сама по себе она не может быть последнею, окончательною целью нашего существования. Ее ценность не в ней самой, *а в человеке*, для которого она предназначена служить орудием. *Мы не могли бы ценить свободы, если бы мы не уважали человека, если бы мы не признавали в нем существа, достойного свободы*»³.

Такая свобода, которой мы на самом деле еще ни разу не видели, не есть выбор, скажем, между «украсть или не украсть»,

² См.: *Трубецкой Е.Н.* Отечественная война и ее духовный смысл // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М.: Республика, 1994. С.383.

³ *Трубецкой Е.Н.* Свобода и бессмертие // Там же. С.294.

«брать взятку или нет» и т.п. Высшая свобода есть такое состояние, когда человек ощущает свое неприкосновенное достоинство, обладает арсеналом средств его защиты, а потому *способен ценить достоинство других*.

Освобождение как низшая форма свободы способно лишь на короткое время зажечь, воодушевить. Но после «революционных танцев на площади» люди расходятся по своим домам, где их ждут совершенно новые проблемы, принесенные освобождением. Вот тогда-то они с тоской и начинают вспоминать «ПЛЕН ЕГИПЕТСКИЙ», где были равны в рабстве.

Любое освобождение формально обращено ко всем, но реально им всегда пользуется меньшинство. Так произошло и в постсоветской России. Одна часть меньшинства использовала экономическое освобождение, другая часть – политическое, третья – и то, и другое (не буду сейчас говорить о качестве этого «использования», о его уродливости и криминальности). Большинства же это освобождение коснулось, скорее, в отрицательном смысле.

Ликвидирован товарный дефицит и людям больше не надо простаивать многочасовые очереди либо завязывать знакомства для обмена услугами. Но когда твой труд оплачивается столь низко, что невозможно обеспечить для себя современные стандарты потребления, товарное разнообразие воспринимается даже болезненнее, чем его отсутствие.

Появилась возможность выбирать власть на формально альтернативных выборах. Но и эта ценность быстро потеряла свою значимость, поскольку выборы практически никак не влияют на

реальную жизнь⁴. К тому же, особенно в последнее время, к избирательным кампаниям очень подходит слоган из давнишней рекламы: «При всем богатстве выбора альтернативы нет!».

Ликвидированы «райкомы-обкомы», представлявшие себя как инстанции, где можно «найти правду», и иногда, действительно, ставившие на место зарвавшихся чиновников. Но на смену им так и не пришли правовые средства защиты нарушенных прав. Доступного и эффективного правосудия нет. А ощущение беззащитности гораздо хуже, чем ощущение самого произвола.

К тому же внутри меньшинства (высшего чиновничества и крупного бизнеса) протекает острейшая борьба, за которой остальному обществу предлагается только наблюдать (хотя и от этого становится тошно, поскольку цели противоборства остались неизменными – власть и собственность).

Все это стало мощнейшим ударом по человеческому достоинству. Ощущение унижения не уменьшилось в сравнении с советской властью, а, наоборот, постепенно стало доминировать. Это не значит, что объективно в постсоветской России люди стали испытывать большее унижение. Нет, тут сработал другой эффект – эффект контраста между моральными ожиданиями и действительностью. Люди ждали от реформ (и только поэтому связывали надежды с демократией) главного – чтобы власть перестала смотреть на них как на «средства производства». Ждали и не дождались. Между тем, именно это ощущение субъектности способно сделать граждан лояльными, в хорошем смысле этого слова, своему государству. Как писал Б.Н. Чичерин, «каждое

---

⁴ О причинах этого не буду здесь говорить. Скажу лишь, что они коренятся в пороках самой конституционной конструкции публичной власти.

разумное существо есть само по себе цель; оно не должно быть низведено на степень простого средства»⁵.

В любой стране у человека складываются отношения с «большим государством» и отношения «с маленьким государством». Проявления первых – это законы, официальные заявления руководителей, выборы в органы власти, темпы роста (или падения) ВВП, состояние армии, государственные атрибуты, внешняя политика и т.п. «Маленькое государство» (жилищно-коммунальные службы, учреждения образования, здравоохранения, собес, милиция/полиция, всевозможные инспекции и проч., и проч.) затрагивает каждого повседневно и потому гораздо сильнее влияет на гражданское самоощущение большинства людей. В отношениях с «маленьким государством» достоинство человека подвергается наибольшим испытаниям. В первую очередь, именно здесь теряется доверие к совокупной власти и рождаются чувства незащитности и безысходности. А потому именно здесь находятся истоки других мощных чувств – негативного восприятия свободы как якобы противоречащей справедливости, стремления видеть в верховной власти («верховного правителя») неумолимую силу и целиком отдаться ей, слиться с нею, ожидая получить от нее желанную защиту. И тогда слово «диктатура» уже не кажется пугающим. Не стоит говорить, что ни одна диктатура никогда не могла и не сможет обеспечить защиту достоинства «простого человека». Но секрет ее временных успехов – то там, то здесь – в том, что она дает *иллюзию* защиты.

Скорее всего, именно с такими процессами и с их восприятием народным сознанием связана интересная закономерность

---

⁵ Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2006. С.16.

российской истории. Великий русский реформатор Александр II Освободитель падает жертвой террориста. Другой император Николай II, пусть вынужденно, но даровавший в 1906 г. России ее первую конституцию, теряет трон, а затем мученически погибает. Никиту Хрущева свергает просталинская номенклатура. Наконец, из рук потерявшего популярность Михаила Горбачева власть перехватывает другой реформатор Борис Ельцин. Но и его самого, несмотря на добровольный досрочный уход, можно считать жертвой (Ельцин заплатил подорванным здоровьем и во многом несправедливой мифологией).

Что это? Неблагодарность непросвещенного народа? Его инстинктивная нелюбовь к освободителям? Почему именно Петр I, а для многих Иван Грозный и Сталин, у нас считаются едва ли не эталоном политической воли, но никак не Александр II? Может быть, потому, что с именами первых связано слово «империя»? Если это так, то Россия обречена – на вечную несвободу, казнокрадство, холопство, бюрократический гнет.

Однако, думаю, секрет неудач освободительных реформ в том, что они не несли с собой, как сегодня говорят, сигналов о стремлении к большему уважению личности, к обеспечению и защите ее достоинства. Вспомним, между прочим, какая потребность первой просыпается в расторможенном алкоголем сознании нашего человека, проявляющаяся в вопросе: «Ты меня уважаешь?». Потребность в уважении! За этой ритуальной фразой подвыпивших людей кроется на глубинном уровне неизбывная тоска замордованного человека.

Драма и порок российских реформ, в том числе реформации 1990-х гг., состоит даже не в том, что освобождение было относительным, неполным, а в том, что реформы так и не несли

главного – действительной свободы. В том, что прошлые и нынешние реформаторы пренебрегали теми, ради кого вроде бы и начинались реформы – людьми. Общество оказывалось и ныне является лишь объектом, но никак не субъектом реформ.

Часто путают патернализм с социальными обязательствами государства. Однако отказ от патернализма не означает переход к «спартанской системе» – пренебрежения слабыми, теми, кто «бесполезен» для экономики. Отказ от патернализма означает отказ от взгляда на людей как на чернь, плебс, быдло и т.д., и т.п. Но, как ни странно и ни грустно, именно так смотрели на народ не только модернизаторы-имперцы, но и модернизаторы-освободители. Так за что, спрашивается, любить освободителей, которые не изменив морального строя жизни, еще и отняли образ «Могучей Державы»?

Политологи объясняют феноменальный успех, популярность В. Путина его энергией, выгодно контрастирующей с вялостью позднего Б. Ельцина, надеждами на стабилизацию (стабилизацию чего?)... Все это, видимо, верно. Но главное, на мой взгляд, все-таки состоит в том, что с приходом Путина потянуло таким привычным патерналистским духом, отозвавшимся в душах большинства: «Вот он, наш отец, который защитит и от террористов, и от мироедов-капиталистов, и от обнаглевших чиновников, и от злокозненного Запада».

3.

Вот в этом и состоит основное противоречие нашей действительности: с одной стороны, необходимость либеральных реформ, с другой, – тоска по иерархически устроенной государственности и возрождение патерналистских ожиданий в обществе.

Нынешние безыдейные прагматики и «политтехнологи», как им кажется, нашли способ разрешения такого противоречия. Раз уж никуда от реформ не деться, проводить их будем, но в таком темпе и в таком объеме, чтобы, не дай Бог, никого не напугать, чтобы не разрушить «консолидацию» общества. Нам как бы говорят: не надо идеологизировать реформы. Это просто «технологические мероприятия». К тому же, действительно, самые болезненные изменения уже произведены (разрушение советской системы, либерализация экономики, приватизация собственности) и за них вся ответственность на Гайдаре с Чубайсом и Ельцине.

Еще один «политтехнологический» прием – апелляция к «народу», которая предполагает противопоставление. Кому? Либеральной интеллигенции, бизнесу? Наверное. Во всяком случае положение российского бизнеса сегодня таково, что ему все время дают понять: «Вы, конечно, все мерзавцы, думаете только о своей прибыли. Но мы понимаем, что без вас будет опять дефицит. Поэтому мы дадим вам некоторую свободу, но вы не наши». Что касается либеральной интеллигенции, то настойчиво намекают: критика власти есть деятельность антигосударственная, антипатриотическая.

Надо сказать, такие «технологии» приносят успех. И, возможно, какие-то институциональные и функциональные изменения будут успешно осуществлены. Но, во-первых, реформы под таким соусом не могут быть полными и цельными. А, во-вторых (и это главное), цивилизационный рывок России так и не состоится. Такой рывок может обеспечить лишь общество, в котором раскрепощена творческая энергия, общество, основанное на идеях свободы, личного достоинства и солидарности.

Однако импульсов развития именно по этому вектору государство не подает. Скорее, подает обратные. Конечно, ценности не всегда стоит формулировать, особенно если вспомнить Тютчева («Мысль изреченная есть ложь»). Но ценности, которые исповедует власть, всегда ощутимы, они носятся в воздухе. И скрыть их невозможно никакими публичными заявлениями, ежегодными президентскими посланиями и т.п.

Мировоззренческий вектор и методология реформ – не «лирика», как считают технократы, а основа развития. Атмосфера – мощнейший фактор экономики. Во всяком случае, в стране с неопределенным прошлым, настоящим и будущим. Но формируется атмосфера не только, а зачастую не столько нормативными актами и официальными документами, сколько, на первый взгляд, незначительными деталями поведения высоких должностных лиц, их оговорками, выбором друзей и партнеров, кадровыми решениями, даже эстетическими вкусами... И если атмосфера приглашения к патернализму сохранится; если частная собственность по-прежнему будет восприниматься как неизбежное зло (ведь по-прежнему бытует противопоставление «людей труда», к коим, как правило, относят так называемых бюджетников, и «бездельников»); если образ власти останется образом некоего священнодействия, закрытого для непосвященных; если учебники истории останутся пропитанными советскими мифами – и о самом советском строе, и о досоветском периоде, никакие реформы не дадут результата, который от них ожидается, ибо они не изменят главного – «сознания озлобленного раба».

4.

Несмотря на то, что многим кажется, будто страна прошла некую «точку невозврата», думаю, что выбор есть всегда. Ну, или почти всегда. По крайней мере, нам еще есть из чего выбирать.

Если Россия выбирает «БЕЗОПАСНОСТЬ», а именно эта категория становится все более популярной и начинает определять образ страны, ее ценностные ориентиры, то мы постепенно будем превращаться в военный лагерь и подчинять жизнь законам этого лагеря. Это, конечно, вполне инструментальная для объединения нации цель. «Враги» – всегда объединяют. Только надо понимать, что такая цель непригодна для развития, что при таком выборе мы просто возвращаемся в исходное состояние. Да и хватит ли на этот раз у государства ресурсов, а у граждан готовности влиться в армию труда, чтобы обеспечить мобилизационную экономику?

Если Россия выбирает «СВОБОДУ», то, разумеется, будет обеспечена и безопасность. Но лишь как обычная функция любого государства. Главное же – страна обретет, впервые за всю свою историю, такое устройство жизни, при котором и патриотизм не надо будет натужно воспитывать, тем более делать его политической профессией, ибо он станет органическим чувством гордости за свою страну, возведшую достоинство человека на высшую ступень; и творческая энергия людей преобразит не только экономику, но и взаимоотношения между людьми; и внешняя политика обоснуется на твердом фундаменте моральной правоты, когда Россия не будет оправдываться за те или иные свои действия, а станет образцом для подражания.

Но что значит – выбрать свободу, причем в высшем ее проявлении, т.е. как условие для обеспечения человеческого достоинства? Философия свободы означает, прежде всего, философию доверия к самостоятельности личности. Подчеркну, речь

не идет о воспитании, пропаганде, вообще какой бы то ни было идеологической работе, осуществляемой государством. Такая философия, разумеется, не отменяет ни социальную, ни полицейскую, ни правозащитную (судейскую) функции государства. Люди остаются грешными, и от своекорыстия, эгоизма даже наиболее разумно устроенное общество не избавится никогда. Речь о другом – **о проникновении духа высшей, творческой свободы в законы и правила функционирования властных институтов.**

Иными словами, сама практика, в том числе методология реформирования государственной жизни (в частности, информационная прозрачность, доверие к независимым экспертным оценкам и т.п.), должна воспитывать свободу, а не патернализм. Разумеется, быстро мы не преобразимся. Но нужно хотя бы *начать* подавать сигналы, показывающие, что она доверяет своим гражданам, уважает их достоинство; что базовые функции государства направлены не на защиту «государственных интересов» (внутри страны это понятие вообще есть нонсенс, ибо у государства не может быть *своих* интересов, отличных от интересов общества), а на защиту права как способа уравнивания векторов свободы и справедливости.

5.

Философия устремленности к свободе имеет вполне практические и многообразные проявления. Но они становятся видны только тогда, когда такая философия исповедуется искренне, а не в качестве поддержания имиджа. В любой сфере можно найти подходы, принципы, правила, которые сегодня кажутся привычными, но которые приспособлены лишь для патерналистской системы координат. Стоит, однако, посмотреть на них иными глазами, и мы поймем не только причину их неэффективности, но,

главное, их бесперспективность для формирования иного духа общества, духа, к которому мы все время неосознанно стремимся – солидарности, доверия и достоинства. Приведу лишь три примера.

Посмотрите, сколько политической энергии ушло на борьбу за *приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным*. Но этой проблемы в такой острой форме не стояло, если бы основные усилия властей были направлены на то, чтобы сами граждане имели возможность быстро и без больших нервных и иных затрат обжаловать региональные законы и другие властные решения в суде. Причем обжаловать не только по мотивам нарушения их собственных, частных прав, но и в целях защиты публичных интересов (например, если губернский начальник решил отдать под застройку часть заповедного леса). Дело даже не в том, что на чиновников гораздо эффективнее можно влиять не угрозой дисциплинарных мер, а с помощью материальных санкций, причем из их собственного кармана, а в том, что именно тут лежит путь к формированию совершенно иного, подлинно гражданского правосознания.

А общий надзор прокуратуры? Дело тут даже не в том, что еще Концепция судебной реформы, официально утвержденная в 1991 г., назвала эту функцию «державным орудием принуждения в условиях отсутствия материальной заинтересованности производителя и неразвитости гражданского общества». Дело в том, что общий надзор активно консервирует патернализм. Государство как бы говорит гражданам: «Не надо обращаться в суд за защитой, за вас это сделает прокурор». Но ведь, жалуясь в прокуратуру, мы остаемся просителями. Приходя же в суд⁶, мы оказываемся вровень

---

⁶ Опять оговорюсь: имеется в виду суд, подлинно независимый; суд, осуществляющий правосудие.

с «сильными мира сего», в том числе с самим государством. Никакой другой способ из всех существующих не дает легальной возможности «простому человеку» защитить свою свободу и свое достоинство. Иное дело, что при нынешнем состоянии судебной власти, при нынешнем, по сути советском, правосознании многих судей сделать это трудно. Но речь идет о векторе развития.

Или возьмем *безопасность дорожного движения*. Сегодня сотрудники ДПС обеспечивают безопасность водителей. Но зачем? Каждый из них стихийно действует по «модели самоуправления»: осознает, что он – владелец источника повышенной опасности, а потому вынужден подчиняться правилам, будь то соответствующий сигнал светофора, дорожные знаки, разметка, правила проезда перекрестков и т.п. Именно это осознание, а вовсе не присутствие сотрудника ДПС позволяет водителям выстраивать тактику безопасного движения (наблюдения показывают, что если рядом нет «гаишника», водители все равно в своей массе действуют на основе минимальных требований Правил дорожного движения). Поэтому репрессивные меры здесь по большому счету безрезультатны. А вот пешеходы в России – наименее защищенная часть участников дорожного движения. Там, где во взаимодействие вступают водитель и пешеход, возникает «модель воинская», где диктует свои условия тот, кто «старше по званию» (в данном случае, кто обладает агрегатом мощностью в десятки лошадиных сил). Так почему бы не отказаться от массового контроля за соблюдением тех правил дорожного движения, которые направлены на защиту одних водителей от других? Почему бы присутствие сотрудников ДПС на улице не свести в основном к защите пешеходов от водителей (контроль за проездом пешеходных переходов, парковкой вблизи остановок муниципального транспорта, за скоростью вблизи школ, в

местах сосредоточения пешеходов, патрулирование на время начала и окончания занятий в школах и т.п.)? Тогда люди ощутят, что деятельность государства в лице традиционно одного из самых суровых институтов, имеет не карательное, а защитное направление, не говоря уже о том, что сократятся (причем существенно) условия для поборов с водителей.

Подобных примеров привычности, требующей переосмысления, можно приводить десятками. Мы просто не задумываемся, в силу инертности, что живем в мире юридических норм, многие из которых стимулируют в нас дух патернализма, а не самодеятельности. Дух подданного, а не гражданина. Дух вечно обязанного государству, а не его содержателя. На изменение такой традиции и должна быть направлена стратегия российского преобразования.

***

Завершая, я хочу вновь обратиться к Ильину, сказавшему совершенно правильные слова: «Никакая правовая и политическая реформа не может *сама по себе* переделать психику человека, привыкшего пассивно покоряться и скрежетать, и не знающего, что истинное самоуправление вырастает только из глубины *свободной и уважающей себя воли*. Мотивы, по которым человек соблюдает право, не только не безразличны, но заключают в себе самый *корень правосознания*; и, если эти мотивы таковы, что попирают и унижают свободу духа и лишают человека *уважения к себе*, то правосознание оказывается разлагающимся в самой глубине своей. Слепая покорность велению из страха и корысти ставит человека на уровень животного, не способного к праву и лишённого правосознания»⁷.

---

⁷ Ильин И.А. Указ. соч. С.46.